

**Модернизация и процессы
«раскрестьянивания» – окрестьянивания» в XX веке**

Теме модернизации, комментированию и критике различных теорий модернизации, посвящено огромное количество литературы. Хотя понятие «модернизация» возникло в западной социологии и политологии как своеобразная метатеория для осуществления политических и социально-экономических трансформаций в странах третьего мира после Второй мировой войны, в основу этой концепции легли идеи о содержательной трансформации социокультурной сферы в контексте перехода от «традиционного» к «нетрадиционному» обществу, высказанные в различных философских традициях, начиная с середины XIX в. Ее разрабатывали такие выдающиеся ученые, как К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Ш. Эйзенштадт, Ч. Кули, М. Леви, Т. Парсонс, Ф. Теннис и др.

В рамках модернизационной парадигмы обычно противопоставляются «традиционное» («аграрное») и «современное» («модерное», «индустриальное») общества. Здесь идет речь скорее об идеально-типичных конструкциях, а не об эмпирически представленных исторических или современных реалиях. Теория модернизации рассматривает основное содержание эпохи Нового и Новейшего времени как постепенный и неравномерный переход отдельных стран и культур от традиционного, аграрного, холистского, соборного, ориентированного на неизменность общества к обществу современного типа – торгово-промышленному, индустриальному (а сейчас – постиндустриальному), городскому и индивидуалистическому, исповедующему идею постоянного развития и т. п. Модернизация рассматривается как совокупность процессов индустриализации, секуляризации, бюрократизации, урбанизации, становления системы общего образования и

представительской политической власти, роста пространственной и социальной мобильности и т. п. – процессов, ведущих к формированию «открытого общества», в противовес «закрытому», «традиционному». Концепция модернизации – один из содержательных аспектов концепции индустриализации, а именно – теоретическая модель семантических и аксиологических трансформаций сознания и культуры в контексте становления индустриального общества.

Анализ таких исторически значимых явлений как модернизация может проводиться на различных уровнях. На уровне внешних эмпирических явлений, классифицируемых в рамках предметных областей политики, экономики, социологии, истории технологий и т. д. понятие «модернизация» может пониматься как процесс усовершенствования, развития, рационализации, обновления и т. п. Однако, само понятие «модернизация» указывает не на отдельные специфические изменения, а на целый клубок связанных между собой трансформационных процессов¹.

В целом модернизационной парадигме присуща позитивная оценка самого процесса модернизации как прогрессивного и перспективного. Нередко исторический аспект уступает место идеологическому и даже пропагандистскому, современное западное общество преподносится как образец для наследования, единственно возможная перспектива и цель развития всех народов, «Светлое будущее всего человечества», «Конец истории» и т. п. При этом ценности, присущие западной цивилизации (частная собственность, индивидуализм, материальный успех и т. п.), объявляются как бы «общечеловеческими».

Впрочем, специалисты признают, что понятие «модернизация» не достаточно четкое, имеет характер научной метафоры, допускает определенные двусмысленности в толковании его содержания². Исследователь скорее сталкивается с большим количеством разнообразных моделей и теорий³. Само слово «модернизация», выйдя за пределы строго понимаемого

научного термина, стало употребляться чрезвычайно широко и размыто, зачастую включая в себя трудносовместимые значения⁴. Модернизационная парадигма неоднократно пересматривалась. К наиболее важным особенностям эволюции парадигмы можно отнести пересмотр роли и места традиционного социокультурного контекста модернизации, предоставление ему большего значения, по сравнению с ранними концептуальными схемами; рост внимания к конфликтам в процессе модернизации и влияния внешних (по отношению к изучаемой стране) факторов; инкорпорацию в теоретическую модель фактора исторической случайности; признание циклической природы процесса модернизации; акцент на тяжелый, болезненный характер модернизационных преобразований; признание множественности путей развития и модернизации; отказ от трактовки модернизации как непрерывного и бесконечного процесса; признание обусловленности модернизации «внешними» и «внутренними» ограничителями. Современные исследователи уже не рассматривают традицию и современность как взаимоисключающие концепты; традиция и современность не только сосуществуют, но и проникают друг в друга и могут смешиваться между собой, возникает запутанный клубок взаимоотношений между традицией и современностью. Модернизационные траектории различных обществ в большинстве случаев конгруэнтны своим традиционным социокультурным и институциональным наследиям⁵. В последнее время появляются постмодернистские социальные теории, которые показывают неединственность западного пути, неединственность социалистической альтернативы, возможность жить на основе традиции, преодоление противоположности между средневековым и локковским человеком, возможность не развиваться, критикуют право Запада диктовать миру свою волю, отрицают концепт всемирной истории как истории, идущей в направлении, открытым Западом и т. п.⁶.

Следует учитывать ограниченность концепции модернизации как методологического подхода, рассматривать его именно как метод, познавательный инструмент, теоретическую проекцию, а не как сам исторический процесс, который нельзя трактовать однолинейно. Более корректным было бы использование термина модернизация *лишь в узком* значении слова (по словам В. В. Шелохаева) – то есть лишь как исследовательский метод, подход к изучению исторического процесса⁷.

В последнее время становится популярным трактовать в контексте модернизационной теории историческое развитие Российской империи, Советского Союза, стран «постсоветского пространства».

«Раскрестьянивание» сельского хозяйства – объективный социально-экономический процесс, происходящий в современном индустриальном обществе, независимо от вмешательства политических структур, которое может быть весьма различным и по направлению, и по форме, и по результатам. Во всем мире сельское хозяйство и крестьянство переживают процессы глубокой трансформации. Происходит структурная перестройка везде, где сельское хозяйство сталкивается с рынком. Модернизация всегда болезненна для крестьян. Рынок и капитализм «убивает» мелких землевладельцев с их специфическим образом жизни и менталитетом⁸.

По большому счету, модернизация в странах Европы в свое время также происходила за счет крестьянства, его пауперизации, «раскрестьянивания». Но на Западе промышленность развивалась таким образом, что город вбирал из деревни рабочую силу и численность сельского населения сокращалась. При этом сокращение сельского населения сопровождалось ростом производства в расчете на одного занятого. Значительная часть избыточного сельского населения Запада переместилась в США, Канаду, Латинскую Америку. В Западной Европе эта проблема не имела такой остроты, поскольку была перенесена в общемировой

контекст, где приобрела характер противостояния между «Мировым Городом» и «Мировой Деревней».

Главное событие истории России XX в., считает А. Г. Вишневецкий – гибель деревни⁹. Но представляется, что «гибель деревни» (традиционного общества) – это не событие, а процесс, который растянулся более чем на столетие (начиная, по меньшей мере, с 1861 г.). Модернизационные процессы в деревне были вызваны не внутренними факторами, а навязаны извне – городской цивилизацией. Вынужденная модернизация оказалась разрушительной для крестьянского традиционного жизненного уклада, общества и культуры. Проникновение товарно-денежных отношений, расширение неземледельческих занятий, развитие отхожих промыслов и множество других явлений нарушают замкнутость сельской жизни, подрывают традиционную культурную систему, вносят диссонанс в традиционную систему ценностей и представлений. Согласно теоретической модели, предложенной У. Томасом и Ф. Знанецким, традиционное крестьянское сообщество с развитием интенсивных контактов с окружающим некрестьянским миром начинает ощущать проявления социальной дезорганизации¹⁰. Модернизация накладывалась на кризисные явления в сельском хозяйстве, вызванные демографическим взрывом, ростом малоземелья и избыточного аграрного населения. Вследствие вторжения рыночных отношений эксплуатация крестьянства приобретает новые формы, происходит падение жизненного уровня крестьян. В той форме, в которой она происходила в России в конце XIX – начале XX вв., модернизация объективно вела к раскрестьяниванию.

Среди основных элементов революционной ситуации в России начала XX в. наиболее явными были экономический и социальный кризисы. Критическим аспектом был кризис сельского хозяйства. Кризис сельского хозяйства поставил перед необратимой последней чертой все стоявшее на этой основе русское аграрное общество¹¹. Но вопрос сельского хозяйства – это вопрос не только сельского

хозяйства. По словам Б. Д. Бруцкуса, аграрный кризис свидетельствовал о неудовлетворительном состоянии не только аграрной, но и всей экономической организации страны¹². В России возникает невиданное в странах индустриального мира явление – секторный разрыв между промышленностью и сельским хозяйством. Данный феномен выражается в долгосрочном прекращении перекачивания рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность в результате снижения производства в расчете на одного занятого в земледелии¹³.

Аграрный вопрос в России всегда был вопросом политическим. Кризисные явления в сельском хозяйстве Российской империи в начале XX в. обычно объяснялись крестьянским «малоземельем», причиной которого было помещичье землевладение, остатки феодализма в аграрном секторе и т. п. Так считали сами крестьяне, так считало общественное мнение того времени, так считают и многие современные исследователи. Проблема аграрного перенаселения поднималась в работах, как правило, авторов «консервативного» направления дореволюционного периода. Л. Н. Литошенко одним из первых указал на аграрное перенаселение как на главную причину аграрного кризиса в России¹⁴. Аграрное перенаселение было одним из наиболее характерных признаков хозяйственного состояния деревни в пореформенные десятилетия. Аграрное перенаселение было следствием секторного разрыва между укладами в экономике, составляло труднорешаемую проблему для правительства, стало одной из главных причин кризисных явлений в сельском хозяйстве и роста социальной напряженности. Крестьянство оказалось не только «неудобным», но в условиях модернизации и «ненужным», а учитывая аграрное перенаселение – еще и «лишним классом».

Реформа Столыпина была направлена на модернизацию сельского хозяйства. Реформа активно способствовала становлению капитализма, была призвана расчистить сельское хозяйство от «слабых» в пользу

«сильных», решить задачу *первоначального накопления* капитала в деревне. Но вопрос о том, куда девать «слабых», как решить проблему аграрного перенаселения оставался открытым. Ни кустарная, ни фабрично-заводская, промышленность не могли смягчить остроту проблемы избыточной рабочей силы. Капиталистическая модернизация, предложенная Столыпиным, была разрушительной и вела к пауперизации, раскрестьяниванию большинства крестьянства, являлась насилием над крестьянством и вызывала его сопротивление.

Основной причиной революции в России стал кризис модернизации, совпавший с системным кризисом всей западноевропейской цивилизации, проявлением которого стала первая мировая война. Революция, по словам Т. Шанина, впервые поставила под сомнение универсальность западноевропейского опыта для остального человечества, доказала, что природа российского общества отличается от той, которую допускали разные теоретики и общественные деятели¹⁵. Многими исследователями революционный процесс в России трактуется как реакция общественного организма на процессы модернизации, на кризис европеизированной культуры, первую в истории попытку отказа принять парадигму западной цивилизации.

Именно аграрный строй Российской империи – существование многомиллионного крестьянства, в значительной степени обособленного от «городской цивилизации», сохранившего особые, докапиталистические формы общежития и собственности, специфическую ментальность, элементы обычного права и т. п. – обусловило своеобразие революционных процессов в России. Победа большевиков в Гражданской войне во многом была предопределена позицией крестьянства. По мнению многих исследователей, патриархальность и коллективистское сознание крестьянства, его реакция на попытки ускорения модернизации страны, стремления освободиться от чужого ему культурного слоя и т. п., в конечном итоге, определили победу большевиков.

В литературе последних лет высказывается мнение, что советское общество сохранило многие черты, присущие традиционному обществу, или являлось его особой разновидностью. В типологическом плане новый общественный порядок представлял собой своеобразную комбинацию докапиталистических, капиталистических и послекapиталистических элементов. В то же время это было общество модернизирующееся, пытающееся противостоять натиску Запада, догнать его в материально-техническом отношении. При характеристике советской модернизации некоторые авторы стали использовать термины «консервативная модернизация», «антикапиталистическая модернизация» и т. п.¹⁶. В данном случае речь идет, скорее, об использовании потенциала модернизации в инструментальной сфере. Социалистические варианты модернизации, практиковавшиеся в течение XX в. в различных странах мира, прежде всего в СССР, были преимущественно адаптационной реакцией незападных обществ на радикальное ускорение исторической и социокультурной динамики в рамках сложившегося ареала модерности¹⁷.

«Крестьянский вопрос» в широком понимании во многом определял специфические черты истории Советского Союза в XX в. От процессов, происходивших в деревне, зависело очень многое в общеполитической, экономической, социокультурной ситуации в стране. В целом, социально-экономическая модернизация советской России была не мыслима без первоочередных преобразований сельского хозяйства, направленных на его интенсификацию, рационализацию, повышение продуктивности.

Курс большевиков, собственно, не противоречил традиции, стал своего рода продолжением политики относительно крестьянства правительства царской России. Унаследованный от царской власти «аграрный деспотизм» при новом режиме приобрел несколько иную окраску. Политика большевиков в известной мере стала продолжением царской политики модернизации. И в этом

плане можно в какой-то степени согласиться с А. Грациози, который называет конфликт новорожденного Советского государства с крестьянством продолжением конфронтации между крестьянством Империи и Российским государством, которая приобрела новую форму и вступила в новый этап своего развития¹⁸. И в этом плане конфликт между государством и крестьянством и в Российской империи, и в Советском Союзе можно рассматривать как следствие модернизации. Хотя взаимоотношения между государством и крестьянством ни в царские времена, ни в советские нельзя сводить лишь к конфронтации.

Например, по мнению Г. Е. Корнилова результатом трансформаций аграрной сферы первой половины XX в. стало раскрестьянивание – сокращение численности крестьянства и изменение образа жизни сельских жителей. Крестьянство постепенно утрачивало свои классообразующие признаки и свойства. Раскрестьянивание имело две стороны – внешнюю и внутреннюю. Внешнее раскрестьянивание проявилось в физическом сокращении численности крестьян. Внутреннее раскрестьянивание постепенно охватывало культурные традиции, досуг, мировоззрение сельских жителей, в результате чего утрачивались специфические черты крестьянства как социальной группы¹⁹.

Революционные события и последующие преобразования в деревне, проводимые Советской властью, можно рассматривать не столько как «гибель деревни», то есть традиционного общества, а как его трансформацию, вызванную процессами модернизации, направленную на самосохранение и приспособление к новым условиям. «Антикапиталистическая модернизация» по своей сути была более щадящей по отношению к крестьянственности²⁰.

В литературе последних лет заметно стремление свести к раскрестьяниванию сталинскую коллективизацию крестьянских хозяйств в начале 1930-х гг.²¹ Представляется, что коллективные формы производства, несмотря на принудительность их внедрения и связанные с этим

эксцессы, выступали не как средство разрушения, а именно как средство защиты крестьянства от тех трудностей, которые приносит крестьянину рыночная действительность. Собственно, колхоз можно рассматривать как видоизмененную форму общины. Следствием коллективизации стала трансформация и сохранение именно крестьянской культуры. При всех внешних и поверхностных изменениях «ядро» крестьянской культуры сохранилось. Крестьянином называют классического сельского производителя, например, XIX в., и крестьянина-колхозника советского периода. Колхозник, собственно, сохранил основные характерные черты крестьянина. Сохранились характеристики крестьянина как персонификатора трех форм общественного разделения труда: хозяйственного, социопространственного и социально-антагонистического (классового в широком смысле слова)²². Сохранилась внутренняя и внешняя идентификация колхозника как крестьянина²³. Судьба поколений крестьян, родившихся в первые десятилетия XX в., действительно уникальна. Именно они стали свидетелями, участниками и жертвами модернизационных сдвигов. Это были поколения, формировавшиеся в старой дореволюционной России, но именно эти поколения строили общество, ставшее советским. И они, значительная часть жизни которых пришлась на советское время, идентифицируют себя именно с крестьянством.

В советском укладе были возобновлены многие черты «традиционного» общества, которые были подорваны или ослаблены в процессе модернизации конца XIX – начала XX вв. Советская власть – это власть, которая возвращается к традиционным основам, но она одновременно стремится модернизировать общество. История советского периода – это попытка прорыва к модернизации на основе архаичных социальных отношений²⁴.

Без индустриализации невозможно было решить проблему аграрного перенаселения. Процессы индустриализации и урбанизации приводили к массовым

миграциям, росту численности городского населения за счет сельского. Индустриализация и урбанизация вели к разрушению традиционного уклада крестьянской жизни, но переносили его на «большое общество». Россия приобрела черты большой общины, большого «мира». Вся огромная, стремительно индустриализирующаяся за счет крестьянства страна одновременно «окрестьянивалась», превращаясь в одну гипертрофированную крестьянскую общину («коммуну»), все базовые идеологически «новые» ценности и нормы которой соотносились с устоями сельского «мира»²⁵. Черты крестьянской общины исследователи не без основания видят и в колхозах в деревне, и в «трудовых коллективах» в городе²⁶. А размытый крестьянский тип ментальности начинает проникать в другие социальные слои, а затем и преобладать в Советском Союзе. Именно крестьяне и их мировоззрение в течение многих десятилетий определяли культуру, быт, взгляды советских людей – и это влияние чувствуется в нашем обществе сих пор.

Если до революции крестьянин, как правило, пытался избегать контактов с властью, у него не было стремления «пробиться в начальство», то после революции, по мере развития советских властных структур и формирования новой элиты, инструментальная ценность причастности к власти резко возрастает. До революции продвижение по ступеням власти для выходцев из крестьян было сословно ограниченным. Революция упразднила сословные ограничения, и выходцы из крестьян получили возможность для продвижения к высшим ступеням власти. И крестьяне, придя во власть, приносили свои привычки, свою психологию, свое мировоззрение – со всеми их привлекательными и непривлекательными сторонами.

Революционные преобразования отражали тенденцию к упрощению культуры, идущую от низов и рефлекслируемую интеллигенцией, которая придавала ей форму теории и идеологии²⁷. Но социокультурный раскол был преодолен. Правительство и народ, «верх» и «низ»

впервые за 200 лет стали разговаривать на одном языке, в культурной коммуникации не было конфликтных зон.

В странах постсоветского пространства якобы происходит новый виток модернизации. Как в начале XX в., так и в его конце и в начале XXI в., при в чем-то похожих социально-экономических предпосылках и обстоятельствах (анalogии всегда «хромают»), происходит гибель крестьянина. В Российской империи и в Советском Союзе сформировались собственные традиции реформирования: проводить преобразование вынужденно, сверху, опираясь на разветвленную бюрократическую систему, часто не имея обратной связи. Эти традиции сохранились и сейчас. Современные аграрные реформы, провозглашающие задачу деколлективизации и «окрестьянивания», на деле превращаются в средство дальнейшего и, возможно, действительно окончательного раскрестьянивания. При этом ограбление села продолжается и даже усиливается. Общая «фермеризация» в современных условиях с неизбежностью означает одновременно и падение производства, и социальное расслоение, сопровождаемое выбрасыванием из сельского хозяйства огромной массы тружеников, которые теряют одновременно и землю, и работу. Происходит дезинтеграция сельского социума. Крестьянская субкультура превращается в «культуру бедности». В этом сущность земельных реформ, подчиненных задачам первоначального капиталистического накопления и проведенных средствами традиционного бюрократического радикализма. На первый план опять выступает проблема взаимоотношений крестьян и власти, понимания последней проблем села, ее готовности к реформированию аграрной сферы с учетом интересов крестьянства.

Библиография

---

¹ Лоован дер Х., Райенван Р. Модернизация как концепт // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 78–92 (<http://abimperio.net/cgi->

---

bin/aishow.pl?state=showa&idart=238&idlang=2&Code=6sYjWsLDV8SmiTmx8RLep6iBL).

² *Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. С. 54–59, 138.

³ *Лоован дер Х., Райенван Р.* Указ. соч.

⁴ *Гавров С. Н.* Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004. С. 10.

⁵ См.: *Побережников И. В.* Указ. соч.

⁶ *Федотова В. Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997.

⁷ Отношение к прошлому – ключ к будущему. Материалы международного симпозиума «Куда идет Россия?» // Отечественная история. 1999. № 6. С. 79.

⁸ См.: *Мандра А.* Конец крестьянства. Продолжение размышлений о конце крестьянства: двадцать лет спустя. Париж, 1984 [Реферат] // Отечественная история. 1994. № 2.

⁹ *Вишневецкий А.* «Серп и рубль». Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 11.

¹⁰ *Thomas W. I., Znaniecki F.* Chłop polski w Europie i Ameryce. Warszawa, 1976. Т. 4: Dezorganizacja i reorganizacja w Polsce. С. 34.

¹¹ *Вишневецкий А.* Указ. соч. С. 11.

¹² *Бруцкус Б. Д.* Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/Article/br_soch.php.

¹³ *Онищук С. В.* Исторические типы общественного воспроизводства: политэкономия мирового исторического процесса. М., 1995. С. 122–123.

¹⁴ *Литошенко Л. Н.* Социализация земли в России. Новосибирск, 2001.

¹⁵ *Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. – 1917–1920 гг. М., 1997. С. 10, 30.

¹⁶ *Вишневецкий А.* Указ. соч.; *Фурсов А.* Крестьянство в социальных системах // Обозреватель–Observer. 2012. № 6. С. 74 (<http://users4496447.socionet.ru/files/furs3.pdf>).

¹⁷ *Гавров С. Н.* Указ. соч. С. 19.

¹⁸ *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2001. С. 5–6.

---

¹⁹ Корнилов Г. Е. Модернизация аграрной сферы России в XX веке: региональное измерение // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2011. Вып. 6. С. 214.

²⁰ Фурсов А. Указ. соч. С. 74.

²¹ См., напр.: *Роголина Н. Л.* Коллективизация – решающий этап в репрессивном раскрестьянивании // Крестьянство и власть в истории России XX века: сборник научных статей участников Международного круглого стола / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М., 2011 (http://www.isras.ru/files/File/publ/Sbornik_krugl_stol_krest_i_vlast_2011.pdf).

²² Фурсов А. Крестьянство в социальных системах. С. 80.

²³ См.: *Михайлюк О. В.* Селянство як «уявлена спільнота» // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2009. Вип. XXVII. С. 89–98 : <http://sites.znu.edu.ua/historySciWorks/issues/27/27/mykhailiuk.pdf>

²⁴ См. *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): в 2 т. Т. 1.: От прошлого к будущему. Новосибирск, 1998; *Кантор К. М.* История против прогресса (опыт культурно-исторической генетики). М., 1992; *Шанин Т.* Идея прогресса // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 33–37.; и др.

²⁵ *Марченя П. П., Разин С. Ю.* Крестьянство и власть как «две России» // Обозреватель–Observer. 2011. № 9. С. 24 (http://www.rau.su/observer/N9_2011/018_025.pdf).

²⁶ *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы. М., 2002. С. 24–25.

²⁷ *Козлова Н. Н.* Культура – общество – человек: парадоксы революционного обновления (обзор) // Человек и социокультурная среда. Специализированная информация по академической программе «Человек, наука, общество». Комплексные исследования. М., 1991. С. 236.